

УДК 821.111.ЭЛИОТ.09

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ВРЕМЕНИ В РАННЕЙ ПОЭЗИИ ЭЛИОТА

Е. БАЛТРУКОВА

(Представлено: д-р филол. наук А.А. ГУГНИН)

В раннем творчестве Элиота особое место занимает изображение двойственности времени: с одной стороны бесконечно малого, а с другой – понятие времени-вечности. Поэт использует различные художественные приемы для реализации этой концепции: особое художественное время, лексические маркеры и др.

Образ времени играет центральную роль в раннем творчестве Элиота. Поэт выстраивает систему художественных образов на оппозициях, при этом образ времени противопоставлен самому себе: Элиот описывает время как нечто бесконечно большое и одновременно бесконечно малое. Поэт использовал различные приемы для создания подобной антитезы. В стихотворении «Song» уже присутствует двойственное восприятие времени. Стихотворение начинается со строк: «If space and time, as sages say, / Are things which cannot be...»¹ [1], далее Элиот развивает идею о двойственной природе времени посредством примеров и оппозиций: «The fly that lives a single day / Has lived as long as we»² [1], после чего он выражает несогласие с таким пониманием времени: «For time is time, and runs away, / Though sages disagree»³. Во второй строфе Элиот говорит о цветах, как о символе любви, но и как о примере того, как можно примирить два противоположных понимания времени: цветы быстро увядают, но сама любовь остается.

В еще одном стихотворении с тем же названием также присутствует мотив скоротечности времени: «But the wild roses in your wreath / Were faded, and the leaves were brown»⁴ [1]. Тот же прием используется и в стихотворении «Before Morning»:

«This morning's flowers and flowers of yesterday
Their fragrance drifts across the room at dawn,
Fragrance of bloom and fragrance of decay,
Fresh flowers, withered flowers, flowers of dawn»⁵ [1].

Позднее у Элиота появится другой прием для выражения противоречия в восприятии времени: использование указаний четких временных отрезков, в которых происходит действие. Элиот намеренно ограничивает время, подразделяя его на условные периоды, отрезки, принятые в обществе для его измерения. Поэт использует слова «morning», «afternoon», «evening», «night», или точно указывает время. При этом строгие рамки включают в себя рассуждения о бесконечности времени и Вселенной. Это есть и в «Любовной песни Дж. Альфреда Пруфрока» и в стихотворениях «Spleen», «Silence», «The Burned Dancer», «Preludes», «Rhapsody on a Windy Night».

Поэма «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока» является заглавной в сборнике «Пруфрок и другие наблюдения», а также – одной из наиболее значимых ранних поэм автора. И в ней автор особое внимание уделяет созданию образа двойственного времени. Слово «time» в поэме встречается 11 раз, образ времени – один из наиболее очевидных и часто встречающихся в произведении. Причем время рассматривается и как философская категория, отражающая бесконечность бытия «And time for all the works and days of hands...», «And time yet for a hundred indecisions...», и как нечто будничное, рутинное, ограниченное и ограничивающее – как способ организовывать свой досуг. Для такого времени используется иная лексика: evening, nights, mornings, afternoons, moment, minute, sunsets. Так время представлено и как нечто бесконечно большое и как нечто бесконечно малое, иссякающее, таким образом поэту удается построить идейно-смысловую связь между бытовыми и возвышенными образами, создав особое художественное пространство-время, которое поначалу довольно сложно установить: из-за сбивчивого повествования и постоянной смены образов создается впечатление отсутствия какой-либо сюжетной линии или центрального мотива, вокруг которого выстраивалось бы повествование. Однако установить его все же возможно. Лирический герой в своих размышлениях постоянно возвращается к одной и той же точке: «Let us go and make our visit», «...Before the taking of a toast and tea», «Should I, after tea and cakes and ices, / Have the strength to force the moment to its crisis?», «After the cups, the marmalade, the tea, / Among the porcelain, among some talk of you and me...», «...After the novels, after the teacups, after the skirts that trail along

¹ Если пространство и время, как говорят мудрецы / Не существуют

² Муха, живущая один день / Прожила столько же, сколько и мы

³ Но время есть время, оно убегает / Пусть мудрецы и несогласны

⁴ Но дикие розы в твоём букете / Увяли, и лепестки почернели

⁵ Утренние цветы и цветы вчерашние / Их аромат плывет по всей комнате на рассвете, / Аромат цветения и аромат тления, / Свежие цветы, увядшие цветы, цветы рассвета

the floor...»⁶ [3, с. 133]. Различные вариации образа вечернего чаепития, учитывая частоту, с которой в тексте встречаются элементы традиционного английского чаепития: чай, блюда, фарфор, пирожные, фрукты, а также – четвертая строфа, в котором времени на раздумья о вечном сжимается до короткого момента перед тем, как герой возьмет тост с чаем:

«And time yet for a hundred indecisions,
And for a hundred visions and revisions,
Before the taking of a toast and tea» [3, с. 133].

Эти повторяющиеся мотивы приводят к выводу о том, что художественное пространство текста ограничивается гостиной, а художественное время – это конец званого ужина, когда подают чай и десерт.

В более раннем стихотворении «Spleen» этот прием еще не так заметен: используются только слова «sunday» и «evening». Однако поставленные в начало каждого столбца, они четко ограничивают художественное время. Наибольшего мастерства при создании художественного времени Элиот достиг в «Preludes» и «Rhapsody on a Windy Night».

В «Preludes» прямые маркеры времени используются 8 раз. Это слова: «morning», «evening», «time», «day», «night», «o'clock». Так первый строфа начинается строчками:

«The winter evening settles down
With smell of steaks in passageways.
Six o'clock.
The burnt-out ends of smoky days»⁷ [4].

Во второй строфе читаем:

«The morning comes to consciousness
Of faint stale smells of beer»⁸ [4].

И в четвертой части стихотворения:

«At four and five and six o'clock
And short square fingers stuffing pipes,
And evening newspapers, and eyes
Assured of certain certainties...»⁹ [4].

Помимо прямых маркеров времени, в стихотворении присутствуют и косвенные: действия, которые обычно совершаются в определенные часы или предметы, также связанные с определенным временем суток, такие как: «newspapers from vacant lots», «the lighting of the lamps», «early coffee-stands», «tossed a blanket from the bed», «the light crept up between the shutters», «curled the papers from your hair». Все эти образы ограничивают художественное время, при этом автор использует форму множественного числа, чтоб показать постоянное повторение момента, что делает его бесконечным, а также в четвертой части добавляет:

«Impatient to assume the world.
I am moved by fancies that are curled
Around these images, and cling:
The notion of some infinitely gentle
Infinitely suffering thing.
Wipe your hand across your mouth, and laugh;
The worlds revolve like ancient women
Gathering fuel in vacant lots»¹⁰ [4].

Такой же контраст бесконечного и ограниченного времени мы наблюдаем и в «Rhapsody on a Windy Night», где прием антитезы и установление художественного времени достигли максимума: практически каждая строфа начинается с точного обозначения временного отрезка – «Twelve o'clock», «Half-past one», «Half-past

⁶ «Пройдут романы, разговоры возле чайного / фарфора, / Паркет подолом платьев подметет...» [4, с. 54]

⁷ Наступает зимний вечер, / Пахнет пищей в переулках. / Бьет шесть. / Дни в окурках и в прогулках [18, с. 76].

⁸ Очухивается рассвет, / Пивною давится отрыжкой. [3, с. 77]

⁹ Четыре бьет, пять, шесть – так бьют лишь / безответных; / В коротких пальцах - трубка и табак / И разве что "вечерка" - и глазами / Он озирает не крошечность дум [3, с. 77]

¹⁰ Не нужно мне его богатства, / Разжалобленный этой нищетой, / Я думаю: какой хороший, / Какой несчастный и какой простой. / Засмейся, дав себе затрещину сперва; / Мир отвратителен со всей своею ношей, / Как нищенка на свалке по дрова. [3, с. 78]

two», «Half-past three», «Four o'clock». И в каждом из этих промежутков времени тот или иной образ отсылает лирического героя к воспоминаниям или размышлениям, которые уже не принадлежат этим временным рамкам, показывая тем самым их условность и относительность:

«Whispering lunar incantations
Dissolve the floors of the memory
And all its clear relations,
Its divisions and precisions,
Every street lamp that I pass
Beats like a fatalistic drum,
And through the spaces of the dark
Midnight shakes the memory
As a madman shakes a dead geranium»¹¹ [4].

Или далее:

«The memory throws up high and dry
A crowd of twisted things;
A twisted branch upon the beach
Eaten smooth, and polished
As if the world gave up
The secret of its skeleton,
Stiff and white»¹² [4].

Воспоминания вызывают не только конкретные предметы, но и запахи:

«With all the old nocturnal smells
That cross and cross across her brain.
The reminiscence comes
Of sunless dry geraniums»¹³ [4].

Использованный в этом произведении прием проявляется гораздо сильнее, чем в «Любовной песни Дж. Альфреда Пруфрока», по сути, на нем построено все стихотворение.

Время является отдельным художественным образом в ранней поэзии Элиота и играет важную роль в раскрытии основной идеи произведений. Особенность времени у Элиота выражена в его двойственности: оно и бесконечное и мгновенное. Для того, чтобы выразить эту двойственность, поэт использует особое художественное пространство-время, грамматические, лексические приемы.

In Eliot's early works the image of time duality occupies a special place: on the one hand time is infinitely short, and on another it is eternal. The poet implements this concept in different ways: a special artistic time, lexical markers and others .

ЛИТЕРАТУРА

1. Eliot, T.S. *The Harvard Advocate Poems* [Electronic resource] – World. Std. – Mode of access: <http://world.std.com/~raparker/exploring/tseliot/works/poems/eliot-harvard-poems.html>. – Date of access: 15.02.2016.
2. Eliot, T. S. The Love Song of J. Alfred Prufrock / T. S. Eliot. – Chicago : *Poetry Magazine*, 1915. – P. 130–135.
3. Элиот, Т. С. Стихотворения и поэмы : сборник : пер. с англ. / Т. С. Элиот. – М. : АСТ, 2013. – 605 с.
4. Eliot, T. S. Prufrock and Other Observations [Electronic resource] / T. S. Eliot.– Mode of access: <http://www.gutenberg.org/files/1459/1459-h/1459-h.htm>. – Date of access: 15.02.2016.

¹¹ Под лунный шепот и пение Стираются уровни памяти / И четкие отношения / Сомнений и уточнений, И каждый встречный фонарь, / Как барабанный удар, / И всюду, куда ни глянь, / Ночь сотрясает память, / Как безумец – сухую герань [3, с. 79].

¹² Память подбрасывает с трухой / Ворох кривых вещей – / Кривую ветку на берегу, / Обглоданную до блеска, / Словно ею мир выдает / Тайну своих костей, / Белых и оцепенелых; [3, с. 81]

¹³ Со всеми ночными запахами / В своем сознании утомленном. / Приходят воспоминанья / О лишенной солнца сухой герани... [3, с. 82]